

Некоторый сдвиг в сравнительном языкознании начал ощущаться в 40-х годах, когда вышло в свет несколько работ, утверждавших плодотворность сотрудничества типологических и сравнительно-исторических исследований.

Интенсивное развитие получили сравнительно-исторические исследования после лингвистической дискуссии 1950 г. Большую роль в популяризации компаративистики сыграла публикация в середине 50-х годов ряда работ по сравнительно-историческому изучению индоевропейских языков<sup>14</sup>, а также множества статей, рассматривавших конкретные аспекты теории и методики сравнительно-исторических исследований: вопросы возможностей и границ сравнительного метода, взаимодействия компаративистики и типологии, относительной хронологии явлений, внутренней реконструкции и многие другие. Подъему в этой области способствовало издание в русском переводе в 50—60-х годах целого ряда известных зарубежных исследований (А. Мейе, Г. Пауля, И. Фридриха, В. Порцига, В. Пизани и др.). В последующий период появилось несколько новых работ, содержащих попытки так или иначе осмыслить опыт компаративистики<sup>15</sup>.

Бурное развитие в советской лингвистической науке сравнительно-исторических штудий, следовавшее за известной дискуссией по вопросам языкознания, было в некотором смысле не локальным явлением, характерным только для нашей науки, а совпало с общей тенденцией эволюции лингвистических идей и в зарубежной науке.

Вторая половина XX в. ознаменовалась в истории языкознания возрастанием интереса к вопросам диахронической лингвистики, некоторым возвратом к разработке проблем, возникших в классическом, сравнительно-историческом индоевропейском языкознании. К такому усилению интереса к проблемам диахронической лингвистики привело общее развитие лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая соскоровавшую антиномию между синхронной и диахронической лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности.

После безраздельного господства в зарубежной теоретической лингвистике различных структуральных направлений, ориентированных преимущественно на синхронное изучение языка при полном игнорировании его диахронических аспектов, лингвистическая наука приходит постепенно к пониманию значимости диахронии как формы существования языковой системы и соответственно к разработке методов диахронического лингвистического анализа, к возрождению, уже на новой методологической основе, идей и принципов классического сравнительно-исторического языкознания. Все это в значительной степени и в советском языкознании содействовало быстрому и плодотворному развитию сравнительно-исторических исследований, охвативших языки различных генетических групп: индоевропейские, кавказские (картвельские и северокавказские), тюркские, финно-угорские, семитские и др.

---

ный строй и родство грузинского и кавказских языков.— «Введение в историю грузинского народа», т. II. Тбилиси, 1937; Чикобава А. С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938; *его же*. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.); Топурия В. Т. Фонетические наблюдения над картвельскими языками.— «Сообщ. Ин-та языка, истории и материальной культуры», вып. 1—5. Тбилиси, 1941.

<sup>14</sup> Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М., 1955; ср. также коллективный труд «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1955.

<sup>15</sup> Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974; Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.